

КАНТ КАК ЖИТЕЛЬ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Дамы и господа, дорогие друзья Канта!

Почему мы с Вами сегодня здесь собрались?

Ответ: потому что Кант был жителем Восточной Пруссии.

Он родился и умер в Кёнигсберге, здесь он прожил почти всю жизнь. Правда, он иногда покидал Кёнигсберг, но никогда не выезжал за пределы Восточной Пруссии. Он очень любил читать описания путешествий, но сам не путешествовал. В Кёнигсберге он мог найти всё, что ему было нужно. Он объясняет это в примечании к предисловию своей «Антропологии с прагматической точки зрения»:

«Большой город, центр государства, в котором находятся правительственные учреждения и имеется университет (для культуры наук), город, удобный для морской торговли, расположение которого на реке содействует общению между внутренними частями страны и прилегающими или отдалёнными странами, где говорят на других языках и где царят иные нравы,- такой город, как *Кёнигсберг* на Прегеле, можно признать подходящим местом для расширения знания и человека, и света. Здесь и без путешествия (в чужие страны) можно приобрести такое знание» (1).

Необходимо осознать: миром, в котором всю жизнь прожил Кант, была Восточная Пруссия. Воздействовало ли это на него и его философию? На него самого – несомненно. Он говорил на восточно-прусском наречии. Его ученик Р.Б. Яхманн писал в опубликованной в 1804 г. биографии «Иммануил Кант в письмах»: «Он рассматривал язык наших бесед просто как средство, облегчающее обмен мыслями; а это значит, что

для общего лёгкого понимания он должен иметь местный колорит. Поэтому он в своей речи беззаботно допускал диалектизмы и в некоторых словах следовал ошибочному провинциальному произношению» (2).

По-видимому, Кант говорил „Marjellchen“ вместо „Mädchen“ (девочка, девушка), „Lorbass“ вместо „Junge“ (мальчик), „Schmant“ вместо „Sahne“ (сливки, сметана) и „Glumse“ вместо „dicke Milch“ (простокваша). В восточно-прусском диалекте «е» звучит как «а», а «ö» как «е». Скорее всего Кант произносил „essen“ как „assen“ (есть), „Messer“ как „Masser“ (нож), а „Königsberg“ как „Keenichsbarch“ (Кёнигсберг). Вероятно, изумляясь, он восклицал „Erbarmung!“ («Помилуйте!») с рокоцущим «р» и следовал восточно-прусской привычке образовывать диминутивы от существительных, говоря „Hundchen, Kindchen, Hauschen“. В русском языке существует аналогичное явление: «собачка, деточка, домик». Эти речевые особенности характерны для восточных областей. «Как и Кёнигсберг того времени, Кант также обращён лицом к востоку» (3). Его брат был священником в Курляндии. Обе его первые «Критики» вышли в Риге. Митава, Дерпт и Рига были ему не только географически, но и духовно ближе, чем Гёттинген, Тюбинген и Эрланген.

Восточно-прусский языковой колорит проявляется и в трудах Канта. Карл Розенкранц и Фридрих Вильгельм Шуберт, издатели первого собрания сочинений Канта, писали об этом в 1837 г.: «Вплоть до «Критики практического разума» у Канта можно встретить *s e u n* вместо *s i n d* (глагол-связка 1 и 3 лица мн.ч.). Это из нижненемецких диалектов, на которых в Кёнигсберге, Данциге и Гамбурге говорили и представители высших сословий, когда переходили на более сердечный тон общения. На нижненемецком и инфинитив вспомогательного глагола, и третье лицо множественного числа как индикатива, так и конъюнктива звучат одинаково: *s ì n* .

Это объясняет, почему Кант в этих случаях не раздумывая писал «s e u n».

Несомненно, он индивидуализировал это при чтении, ориентируясь на нижненемецкую языковую среду, и предполагал эту индивидуализацию и у своих читателей» (4).

Восточно-прусской особенностью является также, когда Кант пишет в «Пролегоменах» «что разум совершенно обманывает („betriege“) себя этим понятием» (5), а в своей работе «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» (6) ведёт речь о «несомненных („untrieglichen“) определениях бытия», употребляя «betriege» и «untrieglichen» с восточно-прусским произношением „ü“ как „i“.

Связь со своим родным городом Кант демонстрировал, подписывая свои статьи и сочинения: он почти всегда указывал место, где они были написаны, а именно, город Кёнигсберг, например в конце статьи «Ответ на вопрос: что такое просвещение?»:
«Кёнигсберг, Пруссия, 30 сентября, 1784»(7).

Возникает вопрос, повлияла ли Восточная Пруссия и на содержание творчества Канта.

Карл Розенкранц и Фридрих Вильгельм Шуберт отвечают на него утвердительно:

«Между тем мы прекрасно осознаём, что философия Канта только тогда может быть понята правильно, когда она воспринимается в связи с историей прошлого столетия и в особой связи с литературной культурой Восточной Пруссии и в частности Кёнигсберга» (8).

В своей «Истории философии Канта» Розенкранц прямо выводит прусскую склонность к философии из ландшафта: «Пруссия вообще уже по своей природе является землёй, предназначенной к культуре духа. Суровые зимы, широкая равнина, кое-где

пересекаемая цепью холмов, оживляемая множеством озёр, разрезаемая мощными водными потоками, заросшая вереском, лиственными и хвойными лесами... она просто способствует рефлексии. Именно житель Пруссии, Коперник, поместил землю в нашем сознании на подобающее ей в небесах место. Именно житель Пруссии, Кант, помог произвести революцию в старом мировоззрении и дал взойти солнцу духа, которое так долго искали где-то ещё, и для философии» (9).

К. Розенкранц был родом из Магдебурга. В силу этого он описывал Восточную Пруссию и Кёнигсберг как приехавший издалека, однако впоследствии ставший настоящим жителем Кёнигсберга. В его «Кёнигсбергских записках», посвящённых жителям Кёнигсберга и появившихся в 1842 г. в Данциге, говорится: «Кёнигсбергу присуще глубокое своеобразие, солидное образование... Обособленное положение Кёнигсберга... побуждает его жителей к путешествиям. Многие мужчины и женщины, принадлежащие к образованным кругам Кёнигсберга, путешествовали по Германии, Франции, Италии... Купцы находятся в постоянных личных контактах со скандинавским севером, Англией, Голландией, Гамбургом и Любеком. Многие из них знакомы и с Россией и могут сообщить немало интересного не только о Петербурге, но и о Москве. Я всё более осознаю, что достойные восхищения познания в географии, которыми отличался Кант, были связаны с общим контекстом здешнего образования» (10).

В главе «Общий характер Кёнигсберга» своих «Кёнигсбергских записок» Розенкранц так объясняет суть Кёнигсберга: «Я полагаю, что главную особенность Кёнигсберга составляет подчинённая трезвейшему разуму универсальность... Тем самым он доказывает свою устремлённость к прогрессу.... Но в то же время в своей универсальности он проявляет непреклонную разумность.

... В этой разумности в связи с этой универсальностью заключена причина редкой справедливости суждения. ... Если в силу этого в Кёнигсберге берёт начало критическая философия, то в этом необходимо видеть нечто большее, чем простую случайность» (11).

Канта сформировали земля и люди Восточной Пруссии. Но это ещё не всё. Как выразился в своей юбилейной речи по случаю двухсотлетия Канта в апреле 1924 года профессор философии Альбертины Арнольд Ковалевский, в философской системе Канта отражается дух его родины, Восточной Пруссии.

Ковалевский назвал несколько черт восточно-прусского характера, которые оказали влияние на труды Канта: во-первых, это грубоватая простота жителей Восточной Пруссии; во-вторых, их непреклонность, граничащая с упрямством, глубокое отвращение к колебаниям слабаков; в-третьих, их стремление к цельности, антипатия к половинчатости; в-четвёртых, их решительная активность. И сегодня имеет смысл читать текст этой речи, в конце которой Ковалевский выразил своё убеждение в том, «что Кант один из нас не только внешне, как кёнигсбергский мировой мудрец, но и внутренне, поскольку в его философии царит мощный дух родины. Для нас, жителей Восточной Пруссии, это означает серьёзную обязанность снова вернуть этой философии, являющейся частью нашей собственной сущности, её живительную действенность. Таким образом мы окажем духовной культуре нашего Востока огромную услугу» (12).

Восточная Пруссия перестала существовать более 60 лет назад. Огромное несчастье в том, что именно восточные немцы, люди Востока, которые во многом были похожи на русских, были изгнаны на Запад. Сегодня в живых остаётся совсем мало родившихся в Восточной Пруссии. «Восточной Германией» мы называем сегодня Тюрингию и

Саксонию, т.е. земли, которые исторически всегда находились в центральной Германии. Сегодняшняя Германия прочно связана с Западом и по-видимому целиком и полностью является западным государством.

А как же духовная культура нашего Востока, о которой говорил Ковалевский и которая составляет часть нашей сущности? Изменилась ли наша сущность? Я так не думаю. Нет больше «духовной культуры нашего востока», в силу того, что Восточная Пруссия в результате Второй мировой войны перестала быть «нашим востоком»? Я думаю, что она всё еще есть, хотя и выражается по-другому. Если бы мы захотели выразить это философскими понятиями – ведь Кёнигсберг столица философии –, можно было бы сказать: семисотлетняя немецкая история Восточной Пруссии – это тезис, а уничтожение Восточной Пруссии в 1944/45 гг. и последовавшая за ним попытка искоренить немецкую историю этой земли – это отрицание этого тезиса, антитезис; но сегодня русские и немцы совместно работают над синтезом, стараясь сохранить великое культурное наследие Восточной Пруссии на земле, которая теперь принадлежит России. Поэтому мы собрались здесь.

Россия завоевала землю и город Канта. Результатом этого завоевания стало то, что сегодня дух Канта может беспрепятственно распространяться по всей России. Кант остался жителем Восточной Пруссии и немцем и одновременно стал соотечественником русских. Оба самых больших народа Европы, русские и немцы, в духе Канта протягивают друг другу руки.

Встреча немецкого и русского Обществ друзей Канта проходит уже во второй раз. Я предлагаю в будущем устраивать такую встречу каждый год в день рождения Канта и завершать её торжественным Бобовым ужином.

Фестивали в Зальцбурге и в Байройте, Мировой экономический форум в Давосе и Фестиваль белых ночей в Санкт-Петербурге тоже проводятся каждый год; почему бы не проводить ежегодную русско-немецкую встречу друзей Канта в Кёнигсберге? Давайте создадим совместную русско-немецкую традицию в продолжение старой кёнигсбергской традиции.

Благодарю за внимание и прошу высказать своё мнение о моём предложении.

© 2009 Герфрид Хорст

Примечания

- (1) Иммануил Кант, Антропология с прагматической точки зрения, Санкт-Петербург «Наука» 1999, стр. 133
- (2) Reinhold Bernhard Jachmann, Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund, in: Immanuel Kant, Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen, hrsg. von Felix Gross, Neudruck Darmstadt 1993
- (3) Kurt Stavenhagen, Kant und Königsberg, Göttingen 1949, S. 36
- (4) Immanuel Kants Sämtliche Werke, hrsg. von Karl Rosenkranz und Friedr. Wilh. Schubert, Erster Theil, Leipzig 1838, S. XVII/XVIII
- (5) Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik die als Wissenschaft wird auftreten können, von Immanuel Kant. Riga 1783, S. 8. Русское издание: Иммануил Кант, Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука, Санкт-Петербург «Наука» 1996, стр. 151
- (6) Immanuel Kant, Der einzig mögliche Beweisgrund zu einer Demonstration des Daseyns Gottes, in: Kant Werke, hrsg. von Wilhelm Weischedel, Sonderausg. Darmstadt 1960, S. 616 ff., 636
- (7) Иммануил Кант, Сочинения на немецком и русском языках, подготовлены к изданию Нелли Мотрошиловой (Москва) и Буркхардтом Тушлингом (Марбург), Москва 1994, там: Ответ на вопрос: что такое просвещение?, стр. 123, 146/47
- (8) Immanuel Kants Sämtliche Werke, hrsg. von Karl Rosenkranz und Friedr. Wilh. Schubert, aaO S. XXIV
- (9) Karl Rosenkranz, Geschichte der Kant'schen Philosophie, in: Immanuel Kants Sämtliche Werke, hrsg. von Karl Rosenkranz und Friedr. Wilh. Schubert, Zwölfter Theil, Leipzig 1840, S. 98/99
- (10) Karl Rosenkranz, Königsberger Skizzen, Danzig 1842, Nachdruck 1972, S. XXVI/XXVII
- (11) Ibidem, S. 64 – 69 passim
- (12) Arnold Kowalewski, Vom Heimatgeist in der Kantischen Philosophie, in: Rudolf Malter (Hg.), „Denken wir uns aber als verpflichtet...“ Königsberger Kant-Ansprachen 1804-1945, S. 150 ff., 155

